

200 лет со дня рождения Ференца Листа - венгерского композитора, величайшего пианиста, педагога, дирижёра, публициста.

Черная Марина Радославовна,
доктор искусствоведения, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, член Союза композиторов России

Ференц Лист и русские композиторы

Российское *листоведение* берет свое начало от самых истоков: первые работы относятся к периоду жизни и деятельности Ф. Листа. В череде разрозненных откликов на выступления европейской знаменитости выделяются статьи В. Стасова и А. Серова, появившиеся в печати во второй половине XIX столетия. Свой вклад в российскую *лиистиану* в XX веке внесли Б. Асафьев, Б. Яворский, В. Ферман, И. Соллертинский, Г. Хубов, Ю. Кремлев и др. Благодаря обширной переписке, которую Лист вел с русскими музыкантами, в России сложились также давние традиции по изучению его эпистолярного наследия. Наиболее фундаментальным исследованием жизни и творчества великого композитора в русском музыкознании является монография Я. Мильштейна «Ференц Лист», выдержавшая несколько переизданий во второй половине XX века.

Целью настоящей статьи является выделение наиболее значительных прижизненных контактов Ф. Листа с русскими музыкантами и просвещенными дилетантами, их взаимосвязей, оставивших след как в русской культуре, так и в деятельности самого Листа.

За свои «годы странствий» Ф. Лист объездил всю Европу. В холодную Россию он направился не сразу, и его первый концерт состоялся 8 апреля 1842 года в Петербурге. График выступлений в этот приезд был, как всегда у Листа, очень уплотненным, так как он играл в публичных концертах, выступал с целью благотворительности, музицировал в частных домах аристократов. Спустя почти год, в 1843-ем, Лист посетил не только Петербург, но и Москву, где дал шесть публичных концертов (один из них органной).

Так выглядел Лист, когда он посещал Россию.

Человеком, который много сделал для того, чтобы устроить приезд Листа в «Северную Пальмиру», был **Михаил Юрьевич Виельгорский** (1788-1856), русский композитор-любитель и крупный музыкальный деятель своего времени. Его родители были выходцами из польской знати: отец – польский посланник Юрий Виельгорский, а мать – фрейлина Софья Матюшкина. Михаил Виельгорский преуспел в карьере на государственной службе, но главной страстью его жизни была любовь к музыке. Он был хорошим альтистом и композитором-дилетантом.

Музыкальные таланты Михаила Виельгорского обнаружили в детстве, впоследствии он получил серьезное образование, в частности, занимался у таких крупнейших музыкантов и педагогов своего времени, как Мартин-и-Солер, Тауберт (в Вене) и Керубини (в Париже). Творческое наследие композитора Виельгорского достаточно обширно: он является автором оперы «Цыгане» (на сюжет, связанный с событиями 1812 года), двух симфоний, двух увертюр, струнного квартета, Вариаций для виолончели с оркестром, фортепианных пьес, песен и романсов, хоров и т.д.

М.Ю. Виельгорский в период приезда Листа в Россию

Наибольшую популярность в России приобрели романсы М. Виельгорского. Тонкий ценитель вокальной музыки, знаменитый русский композитор М.И. Глинка часто пел романс Виельгорского «Любила я...». Лист также высоко ценил это сочинение Виельгорского, что выразилось в выполнении целой серии (на настоящий момент известно четыре варианта) транскрипций романса для фортепиано¹.

Апполинария, дочь М.Ю. Виельгорского

Лист также высоко ценил это сочинение Виельгорского, что выразилось в выполнении целой серии (на настоящий момент известно четыре варианта) транскрипций романса для фортепиано¹. Нежные стихи, положенные на музыку Виельгорским, были написаны его дочерью Апполинарией. Лист сохранил их нежность, но, стараясь выразить в музыке скорбные чувства безмерно любящей женщины, потерявшей мужа, он усложнил фактуру сложными фигурациями и варьировал гармоническое сопровождение, в результате скромная песня превратилась в концертную миниатюру.

¹ До Листа распространение получила транскрипция этого романса, выполненная Гензелем. Я. Мильштейн отмечает, что Лист играл в обработке Гензельта два романса Виельгорского – «Любила я...» и «Бывало» – на своем четвертом концерте в Петербурге 28 апреля 1842 г. Летом того же года Лист создал первый вариант собственной транскрипции романса «Любила я...»: «Лист, несомненно, питал к Михаилу Юрьевичу Виельгорскому полное доверие;...он считал его не только великолепным музыкантом (“гениальным дилетантом”), но и “благородным человеком”. И Лист не ошибся в этом... Желая отблагодарить Виельгорского за оказанное внимание, Лист сделал транскрипцию одного из популярных в то время романсов Виельгорского “Любила я...” (с романсом этим Лист познакомился сразу же по приезде в Петербург» [2, т. I, с. 616-617]. Четыре версии транскрипции Листа находятся, соответственно, в архиве фонда Зилоти в Петербурге (1) и в веймарском архиве Листа (3).

Дом Виельгорского всегда был своего рода музыкальным центром, куда приходили знатоки искусства и где происходило представление новых сочинений, причем хозяин дома нередко вел партию альты при исполнении струнных квартетов. Именно в этом доме Лист играл оперу М. Глинки «Руслан и Людмила» по партитуре. Д. Веневитинов называл дом Виельгорского «академией музыкального вкуса», а французский композитор Гектор Берлиоз – «маленьким храмом изящных искусств».

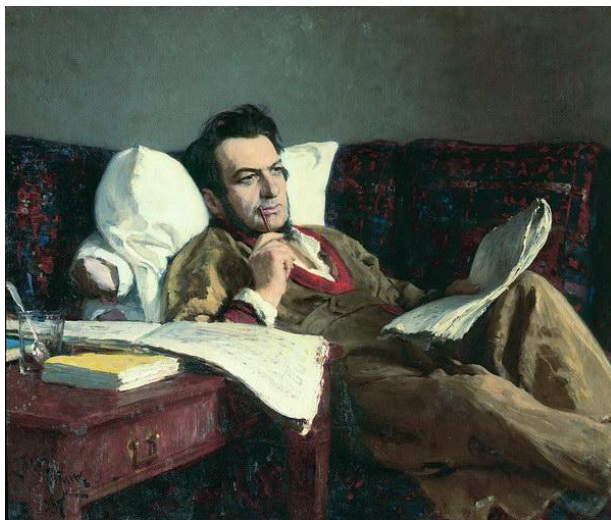
Музыкальные вечера в доме Виельгорского

Современный вид дома Виельгорского
(Санкт-Петербург, площадь Искусств, 2)

С основателем русской музыкальной школы **Михаилом Ивановичем Глинкой** (1804-1957) во время посещений Петербурга Лист встречался несколько раз. Он неизменно давал высокую оценку операм Глинки, сделал аранжировки фрагментов из «Руслана и Людмилы» для фортепиано, из которых сохранился «Черкесский марш» («Марш Черномора»). Позднее в Веймаре Лист стоял за дирижерским пультом при исполнении «Камаринской» и «Арагонской хоты».

Отношение Глинки к Листу нельзя назвать взаимно однозначным, поскольку русский композитор предпочитал манере Листа исполнительский стиль его антипода – Дж. Фильда, а, побывав на концертах и услышав игру «короля фортепиано», он ее критиковал, называя «котлетной». Однако Глинка понимал величие Листа и дорожил дружбой с ним². Однажды Глинка пригласил Листа и многих других в гости к себе домой, где он устроил нечто вроде цыганского табора, Лист же был провозглашен королем этой цыганской земли. Экзотичность и необычность устроенного приема Листу понравились, и он позднее с удовольствием вспоминал это времяпровождение³.

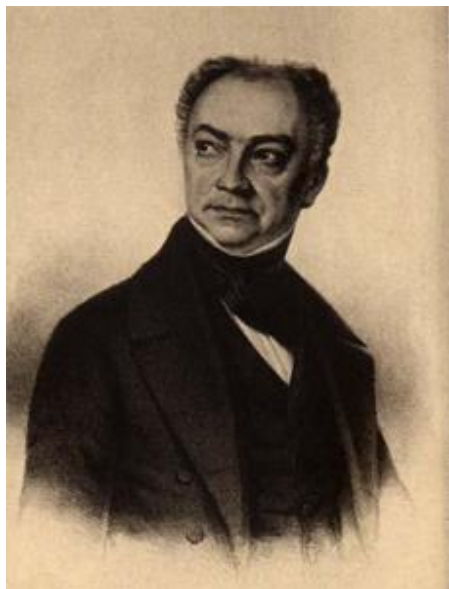
М.И. Глинка за сочинением оперы «Руслан и Людмила»
(портрет кисти И. Репина)

² В своих «Записках» М. Глинка, в частности, пишет: «Я ему высказывал откровенно мои взгляды на искусство и на композиторов» [1, с. 230].

³ Лина Раман описала эти воспоминания Листа, см.: Ramann L., Franz Liszt. Als Künstler und Mensch, Bd. I-III, Leipzig, 1880-1894.

Свидетельств о непосредственных встречах Ф. Листа с другим основателем русской композиторской школы – **Александром Сергеевичем Даргомыжским** (1813-1869) – не сохранилось, однако среди транскрипций Листа значится «Tarantelle, transcrite et aplifiée pour le piano à deux mains», сочиненная по Тарантелле А. Даргомыжского, написанной для 3 рук, одна из которых играет только органнй пункт на ля (сочинение 1850 года).

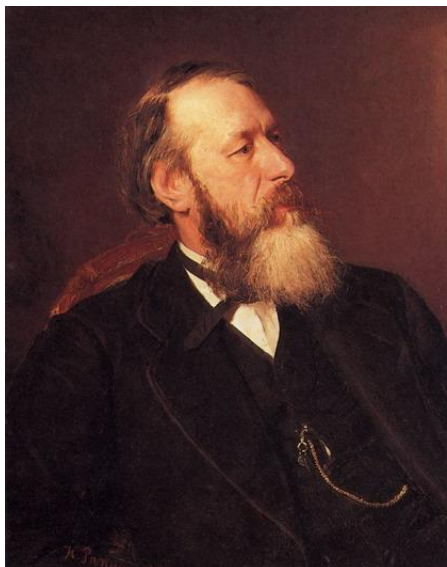
В Москве Лист познакомился с такими выдающимися музыкантами и общественными деятелями, как **Алексей Николаевич Верстовский** (1799-1862) и **Александр Егорович Варламов** (1801-1848). А. Верстовский был весьма значимой фигурой в русском театральном мире, именно он организовывал гастролы Листа в Москве. Верстовский написал шесть опер, самой лучшей из них считается «Аскольдова могила», более тридцати водевилей. Его вокальная музыка, особенно баллады, или «драматические кантаты» были очень популярны в России. В отличие от официальных отношений, установившихся с Верстовским, с А. Варламовым, известным композитором-дилетантом, Листа связывали дружеские узы. Листу нравились варламовские мелодичные песни и романсы, которые были популярны в русских салонах. Тем не менее, Лист так и не сделал фортепианных переложений песен Верстовского или Варламова, но после пребывания в Москве он выполнил знаменитую фортепианную транскрипцию «Соловья» **А. Алябьева** (1787-1851).

Алексей Николаевич Верстовский

Александр Егорович Варламов

В.В. Стасов в 1873 году
(портрет кисти И. Репина)

Уже в первое посещение России Лист познакомился с двумя молодыми музыкантами, которые впоследствии стали выдающимися общественными деятелями и значительными музыкальными критиками – **Владимиром Стасовым** (1824-1906) и композитором **Александром Серовым** (1820-1871). Оба длительное время состояли в переписке, а в дальнейшем встречались с Листом в Европе. В. Стасов, в частности, является автором ряда статей о Листе разных лет и развернутого очерка «Лист, Шуман и Берлиоз в России»⁴.

А.Н. Серов (портрет кисти В. Серова,
сына композитора)

А. Серов начал сочинять поздно и довольно быстро выдвинулся как влиятельный оперный композитор. Лист, хотя и критиковал его оперы за имеющиеся в них недочеты, но принял сторону А. Серова в дискуссии с А. Улыбышевым по поводу творчества Л. Бетховена. С годами Серов стал относиться к сочинениям Листа скептически, Стасов не соглашался с этой позицией, он неизменно высоко оценивал композиторскую и исполнительскую деятельность Листа.

⁴ Очерк «Лист, Шуман и Берлиоз в России» написан В. Стасовым в 1889 году, впервые опубликован в том же году в журнале «Северный вестник» (№№ 7 и 8), далее он был выпущен «Русской музыкальной газетой» отдельной брошюрой в 1896 году, вскоре издание было повторено. В советский период очерк издавался как отдельным изданием (см. 3 по списку литературы), так и был включен в «Избранные сочинения» В.В. Стасова, выпущенные издательством «Искусство» в 1952 году.

В 1847 году Лист совершал свою последнюю концертную поездку по северо-востоку Европы, в том числе по украинским землям. Его концерты состоялись в Киеве, Одессе, Елисаветграде. В этой поездке он познакомился с русской подданной **Каролиной Зайн-Витгенштейн** (урожденной Ивановской, 1819-1887). Она преданно любила Листа и старалась создать для него творческую атмосферу: в то время как Лист сочинял духовную музыку, Каролина стала автором духовных книг. Однако этой паре так и не удалось получить разрешение на заключение брака. Восхищаясь последней подругой Листа, Г. Берлиоз посвятил свою оперу-трилогию «Троянцы» Каролине Витгенштейн и римскому поэту Вергилию.

Каролина Зайн-Витгенштейн с дочерью

Лист неизменно поддерживал балакиревскую группу «Могучая кучка», хотя непосредственных контактов ни с **М.А. Балакиревым** (1837-1910), ни с **Н.А. Римским-Корсаковым** (1844-1908), ни с **М.П. Мусоргским** (1839-1881) у него никогда не было. Тем не менее, влияние принципов построения фортепианной фактуры Листа на произведения Балакирева не вызывает никаких сомнений, а Римский-Корсаков сам указывал на фортепианные концерты Листа как на образец для своего Концерта для фортепиано с оркестром. Со своей стороны, Лист любил фантазию «Исламей» Балакирева и рекомендовал ее для изучения своим лучшим ученикам.

Цезарь Антонович Кюи (1835-1918) встретился с Листом в зрелом возрасте, он был очарован простотой и строгостью листовской манеры игры в тот, уже закатный для «великого венгерца» период. Лист, в свою очередь, давал Кюи дружеские советы в своих письмах и выполнил фортепианную аранжировку его оркестровой «Тарантеллы», которой суждено было стать последней листовской транскрипцией.

А.П. Бородин (портрет кисти И. Репина)

Александр Порфирьевич Бородин (1833-1887) впервые посетил Листа в 1877 году в Веймаре, в следующий раз их пути сошлись на фестивале в Магдебурге. Бородин посвятил свою симфоническую поэму «В Средней Азии» Листу, который помог в организации исполнений произведений Бородина в Европе. «Мои воспоминания о Листе» А. Бородина, считающиеся наиболее правдивыми мемуарами о жизни Листа в Веймаре, неоднократно издавались в XX веке в России.

Ф. Лист принял личное участие в создании «Парафраз русских композиторов на детскую тему (“тати-тати”)), отправив Ц. Кюи свой вклад – специально сочиненную вариацию. Он выразил свое восхищение остроумной идеей в письме Бородину, Кюи, Лядову и Римскому-Корсакову от 15 июня 1879 г.: «Это одна из наиболее серьезных и увлекательных вещей, которые я только знаю. Она является ... практическим руководством музыкальных знаний. Трактаты по гармонии и композиции собраны и заключены на каких-нибудь тридцати страницах, которые учат многому, далеко выходящему за пределы обычного преподавания» [Цит. по: 2, I, с. 658].

Антон Григорьевич Рубинштейн (1829-1894) был хорошим знакомым Листа еще с парижских времен, они много переписывались, позднее Рубинштейн останавливался в доме Листа в Веймаре. Оба композитора помогали друг другу в организации концертных исполнений созданных ими сочинений.

А.Г. Рубинштейн за роялем (дагерротип)

Листовские транскрипции двух песен А. Рубинштейна – «О, если б навеки так было» («O! Wenn es doch immer so bliebe») и «Азра» («Der Asre») – посвящены жене композитора. Однако взгляды Ф. Листа и А. Рубинштейна на будущее музыкального искусства и приоритеты в композиторском творчестве заметно расходились, и их творческое разногласие возрастало год от года. Это не мешало их глубокому взаимному уважению. По свидетельству В. Стасова, узнав о смерти Ф. Листа, А. Рубинштейн воскликнул: «... он был великодушен как никто, широкая и великая была душа!» [Цит. по: 2, I, с. 661].

Лист не мог по достоинству оценить **Петра Ильича Чайковского** (1840-1893), потому что встречи этих музыкальных гигантов были слишком мимолетными, к тому же взгляды обоих композиторов на музыкальное искусство не совпадали. Можно сказать, что оба мастера не смогли до конца понять друг друга. Тем не менее, Лист выполнил блестящую аранжировку «Полонеза» из оперы «Евгений Онегин» Чайковского для фортепиано.

Портрет П.И. Чайковского
(Портрет кисти Н Кузнецова).

А.К. Глазунов (портрет кисти И. Репина)

Лист помогал также и совсем молодым в то время композиторам. Так, **Александр Константинович Глазунов** (1865-1936) приехал со своим спонсором М.П. Беляевым в 1884 году, чтобы представиться по поводу исполнения в Веймаре его I симфонии. Лист аплодировал этой симфонии на репетиции, а впоследствии давал Глазунову профессиональные советы, знакомясь с его произведениями. Глазунов, в свою очередь, посвятил Листу Вторую симфонию.

Анатолий Константинович Лядов (1855-1914) был в переписке с Листом, который заметно ему симпатизировал.

А.К. Лядов в зрелом возрасте (портрет кисти И. Репина)

А.И. Зилоти (дагерротип)

Влияние Листа на русскую фортепианную школу неоспоримо. У него были русские ученики, среди которых широкую известность приобрели Вера Тиманова и София Ментер. В Академии музыки в Будапеште у Листа обучалась Магдалена Свистунова, дочь декабриста Свистунова. В Веймар к Листу после смерти своего учителя Николая Рубинштейна приехал Александр Зилоти, оставивший в дальнейшем собственные воспоминания об общении и занятиях с Листом. А. Зилоти и С. Ментер успешно преподавали фортепиано в обеих русских консерваториях, их вклад в формирование русской фортепианной школы значителен и неоспорим.

Таким образом, след Листа в русской культуре прочерчен с момента его приезда в качестве концертирующего виртуоза в Петербург. Тесные контакты с русскими музыкантами рождали отклики в композиторском творчестве русских композиторов, а также в творчестве самого Листа. Наконец, Ф. Лист оказал влияние на русскую пианистическую школу как через своих учеников, так и опосредованно, явив в своем лице высокий образец исполнителя-просветителя.

Литература:

1. Глинка М. Записки // Глинка М. Автобиографические и творческие материалы / под ред. В. Богданова-Березовского. Т. I. – Л.; М.: 1952. – С. 224-257.
2. Мильштейн Я. Ф. Лист: В 2-х т. – М.: «Музыка», 1970-1971. Изд. 2-е, расширенное и дополненное. – Т. I, 1970. – 864 с. – Т. II, 1971. – 600 с.
3. Стасов В. Лист, Шуман и Берлиоз в России / Вст. ст., общ. ред. и прим. А.С. Оголевца. – М.: Музгиз, 1954. – 162 с.

Черная Марина Радославовна

Пианистка, доктор искусствоведения, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Окончила Горьковскую государственную консерваторию им. М.И. Глинки в 1977 году у Нонны Буслаевой (ученицы Берты Маранц). Ведёт активную педагогическую, научную и творческую деятельность. Автор около 100 научных и методических работ, в том числе 3 монографий, 12 учебных пособий. Разработала комплексную теорию фигурационного письма в фортепианной музыке, специалист в области моцартоведения, проблем музыкальной фактуры и полифонии. Докторская диссертация по теме «Фигурационное письмо в западноевропейской и русской фортепианной музыке (от истоков до середины XX века)» защищена в Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в 2005 г. Выступала за рубежом на международных конференциях в Будапеште (Венгрия), Берлине (Германия), Граце (Австрия), Дареме (Великобритания), Любляне (Словения), Рене (Франция) и др. Является лауреатом ряда всероссийских и международных фестивалей и форумов. Член Союза композиторов России.